

стантинополя. Но в то же время неудачи порождали мысль о том, что Византии суждено погибнуть так же, как гибли и другие государства.

Что касается экономических взглядов византийских гуманистов, то они стремились найти выход из тяжелого состояния экономики страны: Кавасила выступал против ростовщичества, Метохит говорил о создании общественного богатства, Фома Магистр — о проведении финансовых реформ. Но главное внимание И. П. Медведев уделяет взглядам Плифона; он не считает их утопичными, но и не согласен с восторженными оценками современных греческих историков и Ф. Мазэ, которые возводили Плифона в разряд гениальных экономистов, творцов современной экономической науки; по мнению И. П. Медведева, это модернизация. Плифон делит общество на три класса в соответствии с тремя функциями: трудящиеся, собственники средств производства и те, кто осуществляет управление; как «вспомогательный класс» Плифон рассматривает ремесленников и торговцев, а трудящихся называет «пилотами», что (по Медведеву) свидетельствует об их зависимом положении. Отсюда и проекты финансовых реформ — переход на натуральные взносы, распределение национального дохода, треть которого оставляется трудящимся, треть — собственникам орудий, построек, треть — управителям. Плифон — противник предоставления средств монашеству. В основном тезисы Плифона были построены на идеях Платона и, как полагает автор монографии, имели с одной стороны, прогрессивное значение поисков новых возможностей для развития экономики; с другой стороны, платоновские идеи обрекали на провал теорию Плифона, поскольку игнорировали конкретные исторические условия Византии. Но для Запада теории Плифона явились «интеллектуальными предпосылками утогий» (с. 158).

В заключение, критически пересматривая различные концепции гуманизма, И. П. Медведев приходит к окончательному выводу, что основное различие между византийским и итальянским гуманизмом заключалось в том, что в Византии не зародилась буржуазная прослойка. Если в Италии гуманизм был идеологией раннебуржуазной культуры, то базисом для такого гуманизма чисто феодальная Византия быть не могла. Правда, византийские гуманисты стали поддерживать связи с Западом, экономика Запада была знакома Византии, поскольку экономически византийские города были как провинцией Венеции и Генуи. В результате победы церковной реакции, а затем турецкого завоевания византийский гуманизм не мог иметь дальнейшей истории.

Заслуга И. П. Медведева состоит в том, что, изучая византийский гуманизм, он в то же время дает возможность глубже понять и разобраться в сущности не только византийского, но и западного гуманизма. Он признает гуманизм многосложным и иногда противоречивым процессом зарождения новой идеологии, новых принципов мышления человека нового времени, участие в выработке которых принимали и представители Византии.

К монографии приложен перевод «Законов» Плифона (по изданию 1858 г.). Отметим одну неточность: на с. 187 перевод не дает верного понимания основ календаря Плифона, потому что в русском тексте «полный месяц» — лунный месяц — смешивается с лунным циклом (19 лет). В приложение включены также некоторые тексты неопубликованных сочинений на латинском и греческом языках, изданные по рукописям, хранящимся в архивах СССР и относящихся к теме монографии.

М. Я. Сюзюмов

Г. Г. Литаврин. Византийское общество и государство в X—XI вв. Проблемы истории одного столетия: 976—1081 гг. М., 1977, 312 с.

Рецензируемая монография Г. Г. Литаврина является, как определяет сам автор, предварительным обобщением (с. 4) результатов изучения проблем византийского общества названного периода. Рассматриваемое столетие разбивается автором на два полустолетия: в течение первого, совпадающего с царствованием Василия II Болгаробойцы, Византия достигла вершины своего могущества, в течение второго — потеряла свою былую мощь (с. 4).

Задачу исследования автор видит в том, чтобы рассмотреть ряд кардинальных социально-экономических и политических проблем, трактовка которых в современ-

ном советском и зарубежном византиноведении вызвала ряд принципиальных разногласий (с. 5—6). Некоторые из рассматриваемых в монографии вопросов и ранее затрагивались автором (см. библиографию на с. 296—297), однако в настоящей работе они нашли свое дальнейшее последовательное решение с учетом новейших исследований и публикаций источников.

Вряд ли есть надобность подробно излагать содержание монографии — оно наверняка хорошо известно византинистам. Остановлюсь на наиболее интересных, с моей точки зрения, оригинальных, а иногда и спорных положениях монографии Г. Г. Литаврина, чтоб показать, каков творческий вклад автора в современное византиноведение.

Исследовательской манере Г. Г. Литаврина присущ скрупулезный и всесторонний анализ всей совокупности исторических источников, рассмотрение явления с учетом его генезиса и последующей исторической традиции развития, а также острая полемичность рассуждений. Основные выводы автора представляются убедительными, и только некоторые формулировки и частные решения вызывают определенные возражения.

Вполне убедительным представляется мнение об отсутствии в Византии государственной собственности на землю. Однако в связи с рассмотрением этого вопроса хотелось бы сделать следующее замечание. Мне представляется, что Г. Г. Литаврин, с одной стороны, несколько преувеличивает значение проблемы государственной собственности на землю, а с другой — не всегда последователен в развитии системы умозаключений, итогом которой является вывод об отсутствии в Византии рассматриваемого периода верховной государственной собственности на землю. Дело в том, что византинисты, развивающие представление о наличии в Византии государственной собственности на землю, как известно, имели в виду не норму вещного права, которой, бесспорно, не существовало, а специфику отношений, состоящих в наличии значительных прерогатив государственной власти в отношении земель частных лиц. Наличие таких прерогатив, несмотря на то, что отдельные источники, рассматриваемые сторонниками государственной собственности на землю, допускают разные толкования, очевидно, не подлежит сомнению. Иными словами, понятие государственной собственности, которым пользуются некоторые византинисты, является условным и спор вокруг проблемы наличия или отсутствия в Византии верховной государственной собственности является в значительной мере спором о терминах, а не о существовании отношений. В самом деле, если и спорны выводы о наличии земельных переделов в Византии и праве императора конфисковать земли подданных, то никто не сомневается в том, что специфической чертой византийского общественного развития было наличие особых прерогатив государственной власти, проявившихся в наличии развитой системы налогообложения, в сложной налоговой политике, связанной с эпидемиологией, арифмосом, системой налоговых скидок, изъятий и т. д. Называть ли эти прерогативы государственной собственностью, государственным суверенитетом или по-иному — суть дела не изменится. Безусловно, терминологический спор также не только возможен, но и существует, но все же, на мой взгляд, целесообразно специально оговорить, что в этой полемике речь идет преимущественно именно о терминах и несравненно в меньшей степени — о разногласиях по существу проблемы.

Не следует забывать в данном случае генезис явления и историю проблемы. Названные выше характерные для Византии значительные прерогативы государственной власти, по-видимому, возникли в так называемый постклассический период истории римского права и отмечались такими исследователями римского права, как М. Казер, Э. Леви. Эти ученые констатировали возникновение в постклассический период (IV в.) ограничений собственности частных лиц со стороны государства. По мнению М. Казера, эти ограничения могут быть интерпретированы как государственная собственность на землю¹. В дальнейшем это понятие применительно к Византии развивали византинисты (Г. Острогорский и др.), которые пытались с учетом его интерпретировать некоторые источники преимущественно X в., содержащие сведения об экономических

¹ Kaser M. Das römische Privatrecht. Bd. II. München, 1959, S. 189—190. Ср. также: Levy E. West Roman Vulgar Law. The Law of Property. Philadelphia, 1951, p. 111, 119.

или фискальных прерогативах государственной власти. Отстаивая в данной монографии, равно как и в ряде своих предшествующих статей, в целом убедительную точку зрения о неприменимости к Византии понятия верховной государственной собственности на землю, Г. Г. Литаврин полемизирует только с византинистами, разделявшими концепцию государственной собственности на землю в Византии, существовавшей и даже появившейся, по их мнению, в X в. В то же время Г. Г. Литаврин оставляет без внимания юридические традиции явления, проанализированные в трудах названных юристов-романистов. Невнимание в данном случае к вопросам генезиса, на наш взгляд, нежелательным образом суживает рамки рассуждения.

Однако, несмотря на то, что роль проблемы государственной собственности в Византии Г. Г. Литавриным несколько преувеличивается, интерпретация им отдельных источников, привлекаемых при рассмотрении этой проблемы, выглядит очень убедительной. Убедительны, например, рассуждения об отсутствии в Византии X в. периодических земельных переделов. В этом отношении представляет интерес интерпретация Г. Г. Литавриным второго определения магистра Космы. Литаврин подчеркивает, что переделы, связанные с раскладкой налога, допускались только до истечения 30 лет, срок, после которого крестьянин не мог быть согнан с земли (с. 16).

Убедительно также рассуждение о том, что соответствующее выражение новеллы Льва VI следует трактовать как «облагается демосием», но не «принадлежит государству» (с. 24—25). Справедливо утверждение, что монастырская собственность могла быть создана в результате покупок или иных приобретений, а не только в результате государственных пожалований (с. 25). Документы позднего времени неопровержимо свидетельствуют, что значительная часть монастырских земель приобреталась путем покупки. Императорская грамота нередко подтверждала такие приобретения, и эти подтверждения играли большую роль в случае земельных споров. Однако право собственности возникало в результате осуществления акта продажи. Об этом свидетельствует различение форм приобретения собственности, встречающееся в актах². Не менее справедливо опровержение тезиса о том, будто земли налогоплательщиков рассматривались как государственные и лишь переданные им в обеспечение уплаты налогов (с. 25). Соответствующие данные источников Литаврин справедливо трактует как проявление эпиболы. Однако и в данном случае хотелось бы подчеркнуть, что эпибола имеет более древние корни и существование ее в X в. вообще не может рассматриваться в качестве одного из аргументов в пользу наличия верховной феодальной собственности на землю, как это имеет место в некоторых работах критически анализируемых Г. Г. Литавриным.

Прав, очевидно, Г. Г. Литаврин, полагая, что термин *δημοσιον* в акте 1145 г. не может быть интерпретирован в смысле, подтверждающем тезис о верховной государственной собственности (с. 26). По поводу этого термина добавим, что он мог означать не саму государственную землю, а подразумевать налог — димосий. Иными словами, возможно, речь в данном акте шла о неимущих, точнее, о не имевших земли, связанной с уплатой димосия, т. е. не имевших собственной (*ιδία*) земли. Ведь вся собственная земля была обязана уплатой димосия.

Далее, можно согласиться с И. Караяннопулосом и Г. Г. Литавриным в том, что димосиарии — плательщики димосия — это свободные крестьяне, которые не идентичны парикам-димосиариям (с. 30—31).

Большое значение имеют выводы Литаврина об отсутствии в X—XI вв. государственного феодализма, однако вывод автора об отсутствии прикрепления к государственному тяглу требует пояснений. Все зависит от того, что понимается под прикреплением к тяглу. Понимается ли прикрепление к тяглу в Византии в том смысле, в каком это понятие трактуется по отношению к западноевропейским феодально-зависимым крестьянам? Г. Г. Литаврин склонен, очевидно, именно таким образом рассматривать это понятие. Здесь следует согласиться с автором. Византийские крестьяне, с точки зрения их прикрепления к тяглу, находились в иных условиях, чем крестьяне на Западе в эпоху феодализма. На Западе существовало прикрепление к частноправовому тяглу, иногда принимавшее форму прикрепления к земле и к личности, и отсутствовали государственные налоги. Совершенно иной была ситуация в Византии.

² См.: Actes de Lavra, vol. II. Paris, 1977, N 83—88.

Существовали развитое государственное право и обязанность платить государственные налоги. На наш взгляд, представляется целесообразным говорить о прикреплении к государственному тяглу в Византии, как о специфически византийском явлении, имевшем традиции, восходящие к Диоклетиановой эпохе. Думается, что в Византии, как и в эпоху постклассического римского права, не только зависимое население, но и каждый собственник земли — свободный (т. е. государственный) крестьянин или крупный собственник (юридически ведь между ними не делали различий) — был прикреплен к государственному тяглу, что проявлялось в обязанности платить подать и в соответствующем занесении в государственные кадастры. Что же касается государственных париков, т. е. зависимых крестьян, которые не имели земли на правах собственности, а являлись арендаторами государственных или частных земель на паричском праве, то они юридически прикреплялись и к земле, и к тяглу.

В империи действовало римское право, и известно, что в соответствии с конституцией Анастасия и Юстиниановым правом зависимые колонны были прикреплены к земле и тяглу³. Если считать, что это обстоятельство является признаком феодализма, то логично усматривать феодализм, по крайней мере, уже в VI в. Мне представляется, что прикрепление к государственному тяглу в Византии не может рассматриваться как признак феодализма. И в то же время нет никаких оснований полагать, как это делает Г. Г. Литаврин, будто прикрепление к тяглу отсутствовало. Наличию такого прикрепления, которое имело место и позднее, в частности в XIV в., как юридической нормы отнюдь не противоречат приводимые Г. Г. Литавриным факты миграции сельского населения. Реализация правовых норм в эпоху средневековья являлась весьма трудным делом. Особенно трудным было обеспечение прикрепленности к тяглу крестьян. В этом отношении так же, как и во всех других, касающихся положения крестьян в средневековом обществе, следовало бы различать норму права и реальные отношения. Несовпадение реального и юридического прикрепления крестьян к земле и тяглу характерно и для Западной Европы⁴.

Здесь в рассуждениях Г. Г. Литаврина имеются и некоторые противоречия. Так, опровергая тезис ряда византинистов о прикреплении налогоплательщиков к тяглу, он в то же время соглашается с этими учеными (например, Г. Острогорским) в том, что «не разрешалось селить крестьян, имеющих свою землю и хозяйство, внесенных в налоговые описи, известных казне как плательщики налогов и исполнители разного рода повинностей в пользу казны и столичных ведомств» (с. 33). Однако, как мне представляется, именно в этом запрете и состояло юридическое прикрепление к тяглу свободных крестьян (зависимые, как уже говорилось, были прикреплены и к тяглу, и к земле), а именно оно состояло в занесении налогоплательщика в государственный кадастр. Все подданные — крестьяне, стратиоты и динаты — были прикреплены юридически к тяглу, однако распространяющаяся экссуссия освобождала динатов от этой обязанности.

Можно согласиться со всеми выводами Г. Г. Литаврина, основанными на интерпретации соответствующих источников и констатирующими отсутствие или, во всяком случае, затрудненность водворения крестьян, переменивших место жительства и поселившихся на землях крупных собственников, на прежнее местожительство (с. 37—38). Такие крестьяне как правило переставали быть экссуссатами, заносились в кадастры (с. 37). Но разве не свидетельствует этот факт о том, что существовало прикрепление к государственному тяглу?

Верным представляется вывод Г. Г. Литаврина о том, что «правовые и социальные различия в крестьянской среде X—XI вв. были весьма значительными. Наиболее резкая грань пролегла при этом между свободными налогоплательщиками и всеми остальными крестьянами (и государственными и частновладельческими). Менее ощу-

³ Липшиц Е. Э. К истории закрепощения византийского крестьянства в VI в. — ВО. М., 1971, с. 107, 109.

⁴ Бессмертный Ю. Л. Основные формы феодальной зависимости крестьянства в Европе раннего средневековья и их особенности в Западном и Средиземноморском регионах. — В кн.: Страны Средиземноморья в эпоху феодализма, вып. 2. Горький, 1975, с. 38.

тимыми, а иногда исчезающе малыми были различия между государственными и частновладельческими крестьянами» (с. 42).

Однако не совсем ясно, как согласовать с этим выводом утверждение о решающей роли в этот период «сеньории с зависимым крестьянством» (с. 42). Думается, что термин «сеньория» не очень удачен по отношению к Византии вообще, а к X—XI вв. — в особенности. Столь же неприменимым по отношению к Византии является и термин «аллод» (с. 77).

Как в теоретическом, так и в конкретно-историческом планах можно полностью согласиться с пониманием Литавриным различных категорий землевладения. «Государственные земли, — пишет Г. Г. Литаврин, — это все те земли, которые лежали за пределами общинных земель свободных налогоплательщиков казны и земель частных лиц, обладавших на эти земли правом полной частной собственности, каков бы ни был социальный статус этих лиц и их положение в обществе» (с. 43). В этой связи справедлива критика точки зрения Г. А. Острогорского, утверждавшего, что парик принадлежал тому, в чью пользу уплачивал налог (с. 66). В действительности парик принадлежал тому, чью землю он имел в держании на парическом праве, кому, как пишет Литаврин, он платил хоропакт.

Однако недоказанным осталось мнение, будто «отношения парикии складывались в первую очередь на частных землях» (с. 66). Что же касается дальнейшего утверждения, согласно которому парическое право формировалось как обычное право (с. 66), то, во всяком случае, в такой формулировке с ним вообще трудно согласиться. Парическое право, хотя оно продолжало развиваться и в византийское время, имело своей основой право колоната, являлось составной частью действовавшего в Византии римского государственного права. В каком плане автор трактует это право как обычное, остается неясным.

Очень интересным, хотя и гипотетичным, является предложенный Г. Г. Литавриным анализ Патмосского практика 1073 г. Этот интересный источник рассматривался многими учеными, отмечавшими наличие в нем ряда неточностей и противоречий и предлагавших различные объяснения этих особенностей. В частности, существуют разные объяснения свидетельства практика о том, что Андронику Дуке передается с перечисляемых имений вместо 57,5 номисм 37 номисм. Г. Г. Литаврин выдвигает свою оригинальную версию, объясняющую данное свидетельство источника. Соглашаясь с Н. Звороносом в том, что сумма в 37 номисм составляет парические платежи, он в то же время, в отличие от Н. Звороноса, полагает, что это — синона и кашпикон париков (Зворонос считал, что эта сумма не включает синону и кашпикон). «Безусловно, доход от париков, пока они были государственными, был выше, чем тот доход от них, который перешел Андронику Дуке. Констатация этого в практике не вызывает никаких сомнений, хотя в нем же подчеркнуто, что новому господину идет весь прежний доход с имения», — пишет Литаврин и предлагает следующий путь разрешения противоречия (с. 59). Он полагает, что зафиксированные в практике парики-зевгараты, как и парики, зафиксированные в Хиландарском практике, были ипостатиками, т. е. наряду с парическим владением имели свободную, обязанную уплатой налога, собственность. При этом, если парические казенные подати передавались Андронику, то налоги с собственности по-прежнему принадлежали государству.

Такое решение проблемы представляется весьма вероятным, хотя (впрочем, как и решения, предлагаемые Звороносом и другими учеными все же гипотетичным. Думается, автору следовало подчеркнуть гипотетичность своего вывода. Сведения источников о крестьянах-ипостатиках относятся к другой эпохе. При этом во всех источниках, где говорится об ипостатиках, они таковыми называются. В практике 1073 г. об ипостатиках речи нет. Более того, ипостатики Хиландарского практика, равно как Ивирских практиков и практиков Лавры, рассматриваются в этих описях только как парики. Не только не указывается принадлежавшая им собственность, но не фиксируется и причитавшийся с нее государственный налог.

Поэтому, если в практике 1073 г. и подразумеваются ипостатики, то надо сказать, что формуляр практика существенно отличается от формуляров Хиландарского и Ивирских практиков, и автору, поскольку он ссылается на Хиландарский практик, следовало бы остановиться на причинах расхождения его формуляра с формуляром Патмосского практика. И все же в практиках более позднего времени, в частности

в практиках Лавры, как мне представляется, имеется косвенное подтверждение точки зрения Г. Г. Литаврина. В практиках Лавры XIV в. неоднократно упоминаются монастырские парики, платившие налоги частично Лавре, а частично другим монастырям⁵. При этом в практиках указывается, по-видимому, общая сумма налога, взыскиваемая в пользу и Лавры и других монастырей. Как видно, указание единой суммы налога, уплачивавшейся разным юридическим лицам, не было чуждо византийской фискальной практике. Следовательно, не исключено, что, как полагает Г. Г. Литаврин, именно об этом говорится в Патмосском практике.

Большое внимание в книге уделено положению частнозависимых париков. Десятый век, по мнению Г. Г. Литаврина, — время интенсивного развития частноправовой парикии, чему способствовало прогрессирующее обеднение свободных крестьян. Заслуживает внимания вывод автора о том, что частные собственники имели возможность сверх пожалованной им в порядке предоставления экскусии квоты паричского димосия требовать с париков еще и дополнительные платежи, носившие частноправовой характер. Этот вывод представляется очень важным в плане сопоставления X—XI вв. с более поздним временем, когда эти процессы шли, видимо, более интенсивно.

В данной связи, на наш взгляд, заслуживает известной коррекции, с одной стороны, высказанное выше мнение, согласно которому различие в положении государственных и частновладельческих крестьян не было существенным, а с другой — утверждение об отсутствии юридической личной зависимости парика (с. 93). Литаврин пишет: «Экономическая зависимость де-юре и сформировавшаяся де-факто личная зависимость париков была в Византии определяющим признаком аграрной системы с конца XI в.» (с. 106). Мне представляется, что вопрос о личной зависимости парика является более сложным и решение его невозможно без учета норм права, относящихся к колонату. Мне представляются также заслуживающими внимания выводы Н. Звороноса и Г. Вайса относительно применения в Византии конституции Анастасия I о колонате и других относящихся к колонату законодательных норм (с. 68). Известно, что законодательство Юстиниана, относящееся к положению колонов-адскрипциев, нередко сближало их правовой статус с положением рабов. Эти проблемы, в частности, нашли отражение в недавних работах Е. Э. Липшиц⁶.

Недостаточное внимание к проблеме преемственности в области правоотношений является, на наш взгляд, недостатком монографии Г. Г. Литаврина. Преемственность правоотношений вовсе не означает отсутствие изменений в социально-экономическом статусе париков. Такие изменения на протяжении времени происходили, однако они проявлялись в рамках прежних правоотношений. Недооценка роли античных правоотношений в области аграрного развития выглядит тем более неоправданной, что Г. Г. Литаврин справедливо признает роль античных правовых норм в истории города (с. 116), а также преемственность принципов Диоклетиановой податной системы, равно как и традиционность форм византийского налогообложения (с. 215).

Чрезвычайно важным и не вызывающим сомнений является вывод Г. Г. Литаврина, относящийся к особенностям крупного землевладения в империи в рассматриваемое столетие: «Крупные имения, по-видимому, имелись и в Византии XI в., но они были крупными только для Византии и не могут идти ни в какое сравнение с владениями западноевропейских сеньоров того же времени» (с. 103). К этому выводу автор приходит главным образом в результате изучения завещаний представителей византийского господствующего класса XI в.

Далее Г. Г. Литаврин приходит к выводу, что «государственная и частная земельная собственность обрела к последней четверти XI в. феодальный характер, ибо ее доходность определялась в основном трудом париков» (с. 109). Этот вывод, как известно, разделяется большинством советских византистов, и тем не менее хотелось бы высказать некоторые замечания. Мне представляется, что в этот период феодализм только начинает складываться. Признаком развития феодальных отношений в Византии было, на мой взгляд, то появление форм частноправовой эксплуатации, о которых пишет Г. Г. Литаврин. Эти формы развивались на протяжении времени.

⁵ См.: *Actes de Lavra*, vol. II, N 109, 61, 63, 66.

⁶ *Липшиц Е. Э.* Указ. соч., с. 101.

Расцвет их наблюдается в XIV в. В этот период аренда париками земель, принадлежавших крупным частным собственникам, приобретает огромное значение. В то же время арендная плата (пакт, морта) выступает как реализация частноправовых отношений.

Рассматривая социальную структуру города, Литаврин анализирует опись Лампсакса (XIII в.), который, по мнению автора, принадлежал к наиболее распространенному в империи типу приморских городов. Опись не содержит никаких следов существования городских корпораций (с. 124). Подробно анализируется Книга эпарха как источник, освещающий деятельность торгово-ремесленных корпораций Константинополя. Конечный вывод автора представляется достаточно аргументированным и вполне справедливым: «Особая тщательность регламентаций касается как раз не внутрикорпоративных правил организации производства и торговли, а отношений государства с неконтролируемыми ремеслом и торговлей», и дальше: «Цели создания законоположений, о которых дает представление «Книга эпарха», были в корне отличны от мотивов оформления западноевропейских цеховых уставов; здесь корпорации были созданы государственной властью как обязательная форма для занятия ремесленной и торговой деятельностью . . .» (с. 151).

Следует особо отметить заслугу Г. Г. Литаврина в изучении провинциальных византийских городов. Этой проблеме посвящен ряд специальных статей автора (см. библиографию, с. 296—297). В монографии Г. Г. Литаврин вновь возвращается к данному вопросу. Важным представляется вывод о том, что, несмотря на скудость сведений, нет оснований полностью исключить возможность наличия в крупных эмпориях корпоративных организаций ремесла и торговли. Автор выдвигает интересное предположение об отсутствии корпораций в городах, составляющих общины. Там же, где община отсутствовала, по мнению Г. Г. Литаврина, могли существовать корпорации. Такая обратная связь между общиной и корпорацией имела место, по мнению Г. Г. Литаврина, ввиду действия общих принципов византийской фискальной системы, а именно из-за стремления государства утвердить всюду и всеми возможными способами круговую поруку за уплату податей (с. 120).

В разделе книги об эволюции политической власти заслуживает внимания вывод о том, что вопреки формальному этническому равенству в империи наблюдалось фактическое неравенство (с. 166). Такие факторы, как православие, греческий язык и имперская традиция (суверенитет), оказываются недостаточными для обеспечения единства империи. Немалую роль в нарушении этого единства играет этнический фактор. В этот период начинают складываться средневековые народности (с. 175). Государственный строй империи не соответствует больше ее социальному строю.

«Наступившие в X—XI вв. резкие перемены изменили социальную физиономию общества, в том числе и господствующего класса, — началось оформление сословия знати. Амплитуда вертикальной подвижности начала сокращаться» (с. 196). Это явление, которое по мнению Г. Г. Литаврина, отражало процесс феодализации, безусловно, ослабило империю (там же).

Предметом пристального внимания Г. Г. Литаврина явились проблемы налогового обложения. Тщательный анализ Податного устава, Трактата об обложении, недавно опубликованного И. Караяннопулосом, а также актового материала приводит автора к ряду интересных выводов. Гипотетичность многих из них, неизбежная при существующем состоянии источников, тем не менее значительно снижается при обращении к более поздним историческим свидетельствам. В частности, Г. Г. Литаврин, вопреки Н. Зворноосу, считает, что коэффициент эпиболы не оставался в Византии неизменным даже по отношению к одной и той же деревне. Описи XIV в., в частности описи, относящиеся к одним и тем же поселениям, но разделенные некоторым промежутком времени, подтверждают этот факт.⁷ Вполне справедлив, на наш взгляд, вывод Г. Г. Литаврина о том, что, несмотря на известные изменения, которые претерпела Диоклетианова налоговая система (введение института налоговых изъятий и класм), нет оснований считать, что произошла ликвидация или коренная перестройка старой системы (с. 215). К этому можно было бы добавить, что роль системы налоговых изъятий сильно падает

⁷ Хвостова К. В. Особенности аграрноправовых отношений в поздней Византии. М., 1968, с. 121.

на протяжении времени. От XIV в. мы не имеем сведений, отражавших сколько-нибудь серьезное влияние этой системы. Однако такие принципы обложения, как обложение земли в зависимости от ее качества и количества, характерные для Диоклетиановой системы, а затем для последующих эпох развития Византии, сохранились и в XIV в. Правда, к этому моменту произошли многие другие существенные изменения в обложении, но и по отношению к этому времени нет оснований для утверждений о коренной перестройке системы обложения. Иными словами, вывод Литаврина о том, что налоговая система переживала кризис, проводилась ее частичная реконструкция в условиях отсутствия коренной ломки (с. 215), справедлив и для XIV в.

Некоторые частные выводы Литаврина, относящиеся к особенностям налогового обложения, возможно, требуют дополнительной аргументации. Так, автор утверждает, что димосий с париков «исчислялся независимо от фактических размеров парических держаний», и далее связывает этот факт с тем, что «парические держания не были собственностью париков» (с. 218). Этот вывод, однако не подтверждается последующими историческими традициями налогообложения. В XIV в. размер парического держания, равно как и качество земли, — решающие факторы обложения.⁸ В этой связи не исключено, что норма обложения зевгаратов и воидатов, приведенная в Патмосском практике и не зависящая от размеров земли, — это норма, рассчитываемая с «идеальной» стаси. Эта норма была необходима для определения некоторой заранее определяемой суммы ридзы, приходящейся на данную ипотаги. Затем эта сумма корректировалась путем учета реальных земельных держаний париков, изменявшихся на протяжении времени. В позднее время понятие «идеальной» стаси было утрачено. Однако понятие «идеальной» ридзы сохранилось. В этот период в условиях преобладания париков, у которых парическая земля или полностью отсутствовала, или имела в очень небольшом размере (как правило, менее 20 модиев), идеальная ридза исчислялась путем учета числа дворов (или домов) в данной деревне⁹ и вычисления суммы их кацника, рассчитываемого по некоторой стандартной норме¹⁰. Что же касается «идеальной» стаси в X в., то ее преобладание, выразившееся в том, что большинство париков платило одинаковые налоги (с. 218), — явление отнюдь не исключительное. Напротив, это явление можно считать типичным для средневекового мира. Известно, что в Англии среди крестьянских держаний в XIII в. преобладали 0,5 виргаты¹¹, тогда как в более ранний период преобладал надел в виргату.

Характеризуя особенности стратиотского землепользования, неоднократно изучавшиеся рядом исследователей, Г. Г. Литаврин выдвигает интересную гипотезу, объясняющую возникновение и развитие стратиотских держаний. По его мнению, уже при образовании первых фем в Малой Азии VII—VIII вв. некоторые категории наиболее состоятельных крестьян с имуществом примерно в 4 литры вносились вместе с землей в воинские списки (с. 248). Таким образом, не все стратиотские земли были условными владениями, часть из них являлась собственностью стратиотов. Что же касается тех стратиотских участков, которые имели статус условного пожалования, то господствующее в империи правило, согласно которому через 30 лет фактическое владение становилось собственностью, препятствовало превращению этих участков в подлинно служилые владения (с. 258). Причина военного ослабления империи состояла «не в феодализации империи самой по себе, а в том, что общие прогрессивные процессы внутреннего социально-экономического развития пришли в острое противоречие с традиционной системой имперского правопорядка также и в сфере организации воинских сил» (с. 259).

В свете более позднего исторического развития большой интерес представляет вывод Г. Г. Литаврина о значительной роли в X—XI вв. катепанатов. «Именно созда-

⁸ Dölger F. Sechs byzantinische Praktika des 14. Jahrhunderts für das Athoskloster Iberon. — Abhandlungen der Bayerischen Akademie der Wissenschaften. N. F., Heft 28. München, 1949, S. 10.

⁹ О том, что некоторая сумма ридзы определялась заранее, см.: Schilbach E. Byzantinische Metrologie. München, 1970, S. 249.

¹⁰ Хаостова К. В. Судьбы парикии и особенности налогообложения в поздней Византии. — ВВ, 39, с. 57.

¹¹ Косминский Е. А. Исследования по аграрной истории Англии. М., 1947, с. 274.

ние катепанатов, а никак не фем VII—X вв., мы бы рассматривали как своеобразное выражение процесса феодальной децентрализации» (с. 256). Как свидетельствуют практики XIII—XIV вв., в этот период катепанаты играют заметную роль при осуществлении налоговых переписей¹².

Очень интересна мысль Г. Г. Литаврина о том, что при изучении событий классовой борьбы этого периода следует особое внимание обращать на факты проявления классовой солидарности крестьян и городских низов. Интересен анализ зафиксированных в «Пире» инцидентов, связанных с произволом членов семьи Склиров, обнаруживающих подобного рода классовую солидарность (с. 275—276).

Если давать общую оценку монографии Г. Г. Литаврина, то можно сказать, что обилие затронутых в ней проблем, получивших новое оригинальное освещение, богатая источниковедческая база, острая полемичность, глубокие знания эпохи делают это произведение не «предварительным обобщением», как его характеризовал автор, а глубоким обобщающим исследованием, являющимся существенным вкладом в современное византиноведение.

К. В. Хвостова

РЫЦАРСКИЙ РОМАН В ВИЗАНТИИ

(А. Д. Алексидзе. Мир греческого рыцарского романа (XIII—XIV вв.). Тбилиси, 1976, 353 с.)

Книга А. Д. Алексидзе написана по-грузински, но владеющий русским языком читатель может ознакомиться с ней по большому — около 50 страниц — русскому резюме. Автор исследования давно интересуется проблемами византийского романа, анализу романов XII в. он посвятил свою кандидатскую диссертацию, а в рецензируемой книге прослеживает судьбу этого жанра уже в XIII—XIV вв.

Книга А. Д. Алексидзе — менее всего традиционное для византийского литературоведения «жанровое исследование» и еще менее — обычный филологический или исторический анализ памятников. Само название книги: «Мир греческого романа» — не красивая метафора, а постановка серьезной научной проблемы, позволяющей, как говорит сам автор в предисловии, «коснуться ряда значительных аспектов средневекового мировоззрения и эстетики, а также поставить ряд теоретических, методологических вопросов исследования византийской светской литературы». И хотя такие традиционные элементы византиноведческого исследования, как датировки, установление авторства и пр., не устранены вовсе (например, вопрос об авторстве «Каллимаха и Хрисоррои»), они занимают подчиненное положение, уступая место историко-литературным и эстетическим проблемам.

Принципиальное значение для всего исследования имеет его первая глава, названная автором «По поводу символическо-аллегорической интерпретации византийского романа». «Средневековое произведение было Сфинксом, ждущим Эдипа: его авторы аллегорией зашифровывали свою мысль, а читатели или зрители ее расшифровывали». Мы процитировали слова С. В. Поляковой из работы, посвященной византийскому роману XII в. «Повесть об Исмении и Исмине»¹. А. Д. Алексидзе категорически не хочет видеть в византийских романистах «шифровальщиков», а в их читателях — «дешифровщиков», хотя и знает, что ряд средневековых произведений оказывался объектом замысловатых аллегорических толкований. Изображенная в романах любовь героев, выдерживающая все испытания, в представлении автора монографии, была именно любовью молодых людей, а не «аллегорией торжества любви» над грубой силой. В короткой рецензии не место обсуждать одну из самых кардинальных проблем византийской эстетики, отметим только, что ни одна из концепций, по нашему мнению, не исключает другую: «реальное» и «земное» у византийского литератора и его читателя превращается в символ «высшего» и «небесного», не теряя при этом своего буквального и «низменного» смысла. Многозначность была в самой природе византийского эстетического сознания.

«Буквальное» прочтение греческих романов позволяет А. Д. Алексидзе включить произведения этого жанра в общее русло развития византийской светской литературы

¹² См.: Actes de Lavra, vol. II, N 109.

¹ Византийская любовная проза. М.—Л., 1965, с. 127.